

«Вздох мавра», или Путешествие Салмана Рушди

За рубежом - 1996 - 26 июля - 1988. (изд. С. 14)

Антонио МУНЬОС МОЛИНА,
испанский писатель

«ЗЮДДОЙЧЕ ЦАЙТУНГ-МАГАЗИН»,
МЮНХЕН.

ПОКА я бродил в тишине, из-за которой шаги телохранителей казались особенно громкими, по пустынным помещениям аэропорта, мне представлялось: открывается дверь самолета, и передо мной - человек с бледным лицом, какое бывает после долгого заточения в тюрьме, с боязливым взглядом и застывшим в глазах страхом преследования. Но вот один из людей с радиотелефоном сообщает: самолет только что совершил посадку. И вскоре появился Салман Рушди, держа в руке средних размеров сумку.

Конечно, он выглядел точно таким же, как и на фотографиях, но ни в малейшей степени не производил впечатления одинокого, преследуемого человека, который живет под постоянной охраной в нереальном мире, где все сразу пугает, как только он приближается. Здесь, в испанском аэропорту, Салман Рушди казался несколько усталым, но собранным и со своими красноватыми мясистыми щеками имел вид вполне здорового человека. Он шел пружинистым шагом, как будто его не окружали полицейские и ему не предстояло продолжать поездку в бронированном автомобиле.

Рушди, кажется, выше каких бы то ни было неврозов, и та мелодраматическая тень, которая на фотографиях лежит вокруг его глаз, куда-то исчезает, когда видишь его вблизи. Он вовсе не одинокий человек, хотя обстоятельства годами обрекали его на одиночество, а преследование, которому он все еще подвергается, не сделало из него ни сектанта, ни мизантропа. Я бы даже сказал больше: из всех писателей, которых я знаю, он, пожалуй, единственный, кто не проявляет никаких признаков мании преследования.

14 февраля 1989 года аятолла Хомейни вынес ему смертный приговор. С тех пор считается, что тому, кто убьет Рушди, обеспечен не только вечный рай на небесах, но еще и вознаграждение в размере миллиона долларов...

Меры безопасности

НА БРОНИРОВАННОМ «Вольво» мы едем в Гранаду. Рушди рассказывает, что ему понадобилось пять лет, чтобы написать «Последний вздох мавра». По нему заметно, что своим последним романом он доволен и все еще испытывает чувство усталости от работы. Это толстый роман, населенный столь же эксцентричными и пестрыми персонажами, как и улицы Бомбея, где частично разворачивается действие, города, для Рушди находящегося в центре Индии и всего мира.

Рушди не хочет, чтобы в этой книге искали лишь скрытые намеки на его собственное положение, хотя на страницах полно преследуемых и изгнанных, а лицо, выведенное в качестве рассказчика, страдает приступами астмы и описывает свою жизнь, находясь в заключении - в крепости в горах Альпухарры. «Люди иногда склонны искать в моих книгах тайные шифры, закодированные призывы о помощи, которые я будто бы посылаю внешнему миру», - говорит он. - Конечно, то, что происходит со мной, сказывается на литературном творчестве, но в моих книгах речь идет не об этом, а о том, что случается с моими героями».

Автомашина направляется к высохшей равнине. На горизонте поднимаются могучие вершины Сьерры-Невады, окутанные грязноватой фиолетовой дымкой, - они стоят в жарком мареве, как фата-моргана. Холм Альгамбра видится как бледное, увенчанное красноватой тенью пятно, которое сливается с ландшафтом, так что неопытный глаз издали разглядеть его не может. Рушди молча смотрит в окно. Все это очень похоже на то, что в конце романа предстает перед его героем Морасом Зогойби и что видел побежденный султан Боабдиль, когда покидал город, который у него отбили вооруженные силы католических королей.

Салман Рушди впервые приехал в Гранаду в 1965 году восемнадцатилетним юношей.

«Это было во время зимних каникул на первом году учебы в Кембридже», - рассказывает он. - Вместе с друзьями я собрался в поездку в Испанию. Мы двинулись в путь, не имея в карманах почти ни гроша, ночевали в самых дешевых гостиницах, ехали на самых медленных поездах. До тех пор я никогда не испытывал к Испании особого интереса, знал только, что это солнечная страна. Но она произвела на меня большое впечатление, сразу же появилось чувство, будто я здесь все знаю, будто снова нашел здесь то, что оставил за плечами

четыре года назад, когда приехал в Европу. Поезда были невероятные - полные людей, которые кричали, громко разговаривали, людей с узлами, коробками и курами - как в Индии. И такие же медленные. Когда я оказался в Гранаде, то сразу как бы узнал Альгамбру - в Индии есть две такие же крепости, обе называются «красные», одна в Дели и другая в Агре. Я сразу влюбился в эту страну».

В центре города мы застреваем в автомобильной пробке. Рушди, сидящего у окна, удивляет турист, идущий по тротуару. Тот делает удивленное лицо и сразу же поднимает свою камеру. Один из телохранителей, находящихся в машине за нами, уже собирается выскочить наружу, но тут светофор переключается на зеленый, и удивленный турист со своей камерой остается позади.

Уже семь лет Салман Рушди живет, отгороженный от мира, но лицо у него столь приметное, а судьба приобрела такую широкую известность в мире, что ему никогда не удастся остаться инкогнито. Когда на следующее утро мы среди туристов, карманных воров и уличных торговцев идем к королевской часовне, чистильщик обуви, привычно рассматривая прохожих с ног до головы, видит Рушди и восклицает: «Эй, ребята, да ведь это тот тип, которого хотят убить».

Когда мы выходим из машины, телохранители окружают его и плавными движениями направляют в гостиничный вестибюль. Рушди, который только что шел рядом, неожиданно ускоряет шаг и исчезает в смутном круговороте полицейских в штатском, зеркал и лифтовых дверей. Возле стойки приема гостей инспектор тихим голосом дает указания полицейским, которые охраняют этаж, где расположен номер Рушди. Каждый шаг, который мы будем делать в ближайшее время, тщательно прорабатывается. Путь в Альгамбру - мы ее посетим, когда она закрыта для публики. Ресторан в Альбасине - за два часа до нашего прихода его обследуют саперы. Так же готовится маршрут поездки, которую на следующее утро мы намерены совершить к безлюдному месту на загородном шоссе, название которого - «Вздох мавра» - привлекло писателя. При всем том улыбка Рушди остается совершенно спокойной, а нередко в ней проскальзывает оттенок юмора.

Последние туристы уже покинули Альгамбру, когда в узеньком переулке под циклопическими стенами дворца Карла V нам открывают дверь.

Альгамбра, предназначенная для официальных визитов и для посещения массы ту-

ристов, которые, еле-еле переставляя ноги от усталости, пытаются охватить взглядом все сразу, неизбежно стала походить на декорации к кинофильмам, причем не только потому, что со времен Дугласа Фэрбенкса и фильма «Багдадский вор» это место постоянно вдохновляет художников-декораторов, но и потому, что с самого начала оно было предназначено для торжественной демонстрации политической власти. Но то, что Рушди видит сейчас - это интимная Альгамбра, где протекала повседневная жизнь семейства султана - крутые темные лестницы, комнаты с голым каменным полом, с балконами и альковами, в которых слышны лишь плеск воды и трепет птичьих крыльев.

Салман Рушди смотрит в окно на ландшафт, состоящий из белых домов, кипарисов и башен. «Мне всегда хотелось, чтобы этот город и Альгамбра присутствовали в одной из моих книг», - говорит он, - но не намерен был писать исторический роман о Гранаде, таких уже много. Теперь я написал свою книгу, я здесь и чувствую, что дошел до сердцевины собственного духовного мира».

Вокруг нас под потрескивание радиотелефонов и скрип подошв по гравию дорожек идут полицейские в штатском и одетые в униформу сторожа Альгамбры. Из города сюда не доносится ни звука.

Удовольствие просто так идти по улице

РУШДИ уже не раз посещал Альгамбру, но герой его романа видел ее только издали - так же, как на пути в изгнание в последний раз видел ее Боабдиль - с того возвышенного

места на сельской дороге, которое называют «Вздох мавра». «Альгамбра - это словно победа побежденных над победителями», - говорит Рушди. - Мне нравится этот парадокс. В моем романе он связан с идеей неумирающей любви. Мавр обнаруживает, что любовь остается любовью и тогда, когда она потерпела крах. Боабдиль был побежден и изгнан из страны, но его дворец стоит и поныне. Поражение может научить многому, чего никогда не узнает победитель». Меланхолия и зов неудавшейся любви - те две нити, которые деликатно, но упорно протянуты через всю книгу. Другие нити - личная тоска писателя по Бомбею и сожаление об утраченных терпимости и многообразии, которые всегда отличали этот город и имели такое большое значение на заре политической жизни Индии.

«Свобода и плюрализм не исключительно европейские ценности», - продолжает Рушди. - Индия всегда была терпимой и плюралистической страной. Ныне, однако, существует течение фанатичного национализма, которое настаивает на культурном и религиозном превосходстве индуизма над всеми прочими религиозными меньшинствами, будь то буддистское, мусульманское или католическое. Но подобная идеология - вздор, потому что нет ничего исключительно индуистского, никто не представляет собой что-то в чистом виде. В своих книгах я пытаюсь давать отпор подобной духовной узости».

Как писатель Салман Рушди обладает широким историческим взглядом: личные судьбы героев его произведений переплетены со всеобщими событиями, они от них страдают, их отражают, используют к собственной выгоде или становятся их жертвами.

СЕМЬ ЛЕТ БЕЗ СВОБОДЫ

Христиана КОРФ,
Детлев РАЙНЕРТ

— Господин Рушди, куда бы вы хотели поехать, если бы могли?

— Что значит «если бы могли»? Я езжу - несмотря ни на что. За последние полгода совершил много поездок, представляя свою новую книгу «Последний вздох мавра». Побывал в Шотландии, Испании, Италии, Швеции, Дании и Норвегии. Совершил большое путешествие в Южную Америку - в Чили, Аргентину и Мексику. Был также в Новой Зеландии и Австралии.

— Вы хотите сказать, что ведете совершенно нормальную жизнь?

— Ну, не совсем. Но я пытаюсь вернуть себе свободу. Путешествовать мне, конечно, все еще более сложно, чем другим.

— В чем конкретно заключаются ваши проблемы?

— Главное отличие состоит в том, что я постоянно нахожусь под охраной. И если хочу отправиться в поездку, то английские службы безопасности должны сообщить об этом соответствующим службам других стран. Но меры, которые в результате принимаются, оказываются совершенно различными. В Австралии, например, мой визит был организован с ми-

нимальными ограничениями со стороны служб безопасности. А вот в Чили мне казалось, что я нахожусь в полицейском государстве - полиции там присутствовала повсюду.

— Службы безопасности заранее определяют каждый ваш шаг?

— Более или менее. Полиция бывает особенно строга, если я посещаю какую-то страну впервые. Через пару дней режим делается более свободным.

— На что же нужно обращать внимание, когда вас пускают в какую-либо страну?

— Существует много мер предосторожности, прежде всего для защиты людей, которые со мной встречаются. Так, когда я в Осло выступал перед аудиторией в тысячу человек, контролю подвергались каждый. Как в аэропорту.

— А делаются публичные объявления о ваших выступлениях?

— Да. Так мы начали поступать в Англии, правда, с крайней осторожностью. О первых моих лекциях в Кембридже и Лондоне были объявления только в местных газетах.

— Вы ездите под своим настоящим именем?

— Вы уж меня извините, если я не стану слишком вдаваться в детали. Могу ска-

зать только одно: во всяком случае, на свое имя билетов на самолет не покупаю.

— Ваше лицо хорошо известно. Не приходится ли вам порой гримироваться?

— Поначалу я пытался это делать, но без особого успеха. Лет пять назад надел парик с длинными светлыми волосами. Он показался мне довольно-таки смешным, но я это сделал, чтобы остаться незамеченным и как-то себя обезопасить. Но потом, когда я где-то в Лондоне вышел из машины, люди стали смеяться и кричать: «Глядите-ка, да ведь это Рушди в парике!»

— Может быть, шляпа или фальшивая борода не так бросались бы в глаза?

— Нет, это тоже бесполезно. Взгляните на меня - с этим лицом никакая маскаровка не поможет.

— Есть ли такие государства, куда вас не хотят пускать?

— За исключением исламских стран, которые в списке моих пожеланий также не числятся, единственная страна, которая не разрешает мне въезд, это Швейцария.

— Если бы вы могли свободно выбирать, где вы охотнее всего провели бы отпуск?

— Тут у меня нет никакого определенного пожелания. Я очень рано начал ездить по

свету и много путешествовал. В 14 лет я приехал из Индии в Англию, чтобы посещать классическую английскую школу. Поездки по самым разным странам составляют важную часть моей жизни. Поэтому я никогда не стремлюсь в какое-то определенное место.

— Но разве у каждого человека нет страны, о которой он мечтает?

— Ну ладно, раз так - я с удовольствием снова съездил бы в Индию. Это восхитительная страна. Когда все придет в норму, я большую часть года наверняка стану проводить там. У меня есть друзья в Бомбее и Дели, которых мне очень не хватает.

— Кроме того, вас, кажется, особенно привлекает юг Испании?

— Да, это так. В течение многих веков в Андалусии существовало одно из самых смешанных сообществ в Европе - с совершенно необычной культурой.

— Гранада была также самой западной точкой мусульманской империи.

— Да, но, с моей точки зрения, еще интереснее то, что это было не только мусульманское, но и еврейское и христианское общество. Культуры этих групп плодотворно друг друга.

— Когда вы появляетесь на людях, не испытываете ли вы иногда страха?

Но так происходит во всех романах, вообще достойных упоминания, говорит он, даже в таких вроде бы странных и оторванных от жизни, как «Процесс» и «Замок». «В романах Франца Кафки, по его словам, содержится вся политическая история XX века». Тем не менее после выхода недавно в свет его книги он с облегчением чувствует: этим романом он завершил цикл своих произведений, начатый «Полуночными детьми». И хотя еще не знает, о чем станет писать в следующий раз, но полагает, что не об Индии.

В Альбасине мы поужинали в ресторане. За оконными решетками парила в темноте, как будто невесомая, Альгамбра. Мы пили «Риоху», наслаждались простой и вкусной местной пищей, беседовали о литературе, о сложном облике Бомбея и вообще Индии. Литература рассказывает о том, что уже видно, но чего еще никто не замечает, говорил Рушди, а также о том, что скрыто под поверхностью вещей или за ними.

Среди захватывающих мест романа есть такие, где описывается, как герои окунаются в людской поток на улицах Бомбея. Затеряться в толпе, говорит мавр, это то же, что отдаться любви.

Однажды утром Салман Рушди идет по улицам в центре Гранады, направляясь к королевской часовне, где хочет взглянуть на захоронения католических королей и увидеть копию знаменитой картины XIX века, на которой изображена капитуляция Боабдила. Сотрудники безопасности перед этим проверили маршрут. Теперь они идут впереди, по бокам и за нами, теряются между людьми, на некотором расстоянии образуют вокруг нас как бы защитный экран, в то время как мы шагаем под нежаркими лучами утреннего солнца и разговариваем...

«Какое удовольствие вот так просто идти по улице», — говорит Рушди, наслаждаясь простым чудом повседневных вещей, таких, как переход через оживленную улицу в десять часов утра, совершенно обычную улицу с кафе, магазинами и банковскими филиалами. Может, такое осознанное восприятие вещей, на которые никто не обращает никакого внимания, и есть то, что с момента вынесения ему смертного приговора изменило его больше всего. Абсолютная ценность бытия, которое так прекрасно и за которое так же трудно испытывать благодарность, как за свободу или дыхание.

«Свобода отличается чем-то таким, что позволяет к ней сразу привыкнуть и уже более не представлять себе, что означала бы ее утрата», — говорит Рушди. — Это, конечно, хорошо, но одновременно и опасно, потому что теряется ощущение ее ценности. До того как все произошло, я никогда особенно не задумывался о цензуре, потому что она меня никогда не затрагивала. То, что случилось со мной, вовсе не так уж необычно. Необычно лишь то, что исламское правительство приговорило гражданина другой страны, на другом конце света, к смертной казни. Но то же самое постоянно происходит с мусульманскими писателями, журналистами, учителями или обычными женщинами, которые хотят всего лишь получить образование и не желают мириться с тем, что их запирают и угнетают. А Запад почти ничего не делает, чтобы им помочь. Среди западных интеллектуалов — нарит большая путаница: наблюдая за исламским миром, они принимают его наиболее отсталые стороны за наиболее существенные; из-за этого их повышают в ранге до значения культуры, делают их уважаемыми.

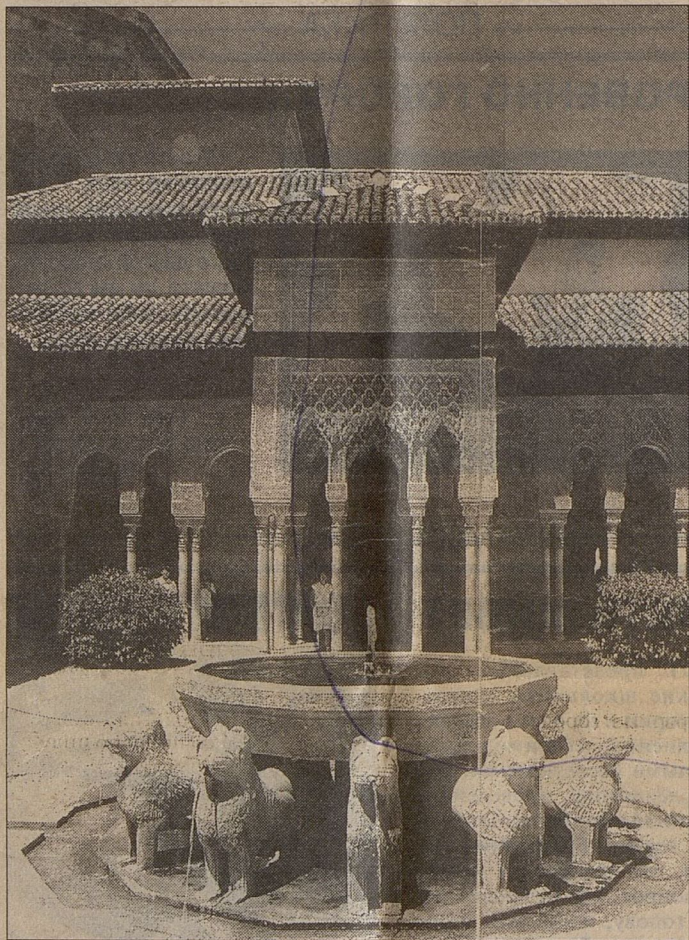
«В одиночку я бы не выдержал»

«В АНГЛИИ есть люди, которые говорят: почему мы должны охранять этого типа, учитывая, во что нам это обходится? Он сам того хотел, он не имел права оскорблять религиозные чувства миллионов людей. Джон Берджер написал это в газете «Гардиан» всего через несколько дней после того, как мне вынесли смертный приговор — в самые тяжелые для меня дни. К счастью, у меня были мои друзья, да и не только они. Многие люди во всем мире, которые меня совсем не знали, встали на мою сторону, в том числе и мусульмане. Часть писем мне приходит из исламских стран. Прежде всего пишут женщины — женщины, которые из страха перед репрессиями не решаются поставить на конверте свое имя. Все эти люди меня спасли. В одиночку я бы не выдержал такого ужасного напора. Цензура разрушает воображение. К ней привыкают, и уже больше не могут представить себе мир таким, каков он в действительности».

Салман Рушди говорит на изысканном и ясном английском языке, полным иронического подтекста. Когда я его слушаю, мне приходит в голову мысль, что за годы испытаний он много узнал о самом себе и должен был измениться, что полученный опыт вместо того, чтобы разрушить его и заставить опустить руки, активизировал его лучшие стороны, обогатил знаниями и идеями, создал дистанцию между ним и обманами и тщеславием литературной сцены. «Прошло уже семь лет, — говорит он, — это большой отрезок жизни».

Поездка приближается к концу. Самолет Рушди приземлился чуть больше двадцати часов назад, и охранники дают нам понять, что пора двигаться, если на обратном пути к аэропорту Малаги мы еще хотим посмотреть место под названием «Вздох мавра». Через несколько минут мы у цели. Здесь Салман Рушди одновременно находится и в конкретном, и в воображаемом месте, как в одной из точек, в которой встречаются грядущие долготы и широты и которая существует только на карте. «Вздох мавра» — реальное место, где разыгрывалась старинная легенда, где Боабдил и его мать остановились, потому что, если бы сделали всего лишь шаг дальше, больше не смогли бы увидеть свой утраченный город.

И вот с возвышения «Вздоха мавра» Салман Рушди рассматривает Гранаду, как Боабдил, как он сам в тот далекий день своей юности. Он протягивает мне руку и шутливо говорит что-то о символическом значении прощания на таком месте, как это. И добавляет: «Теперь я чувствую, что написал свою книгу до конца». Он поворачивается спиной к долине и городу и, окруженный телохранителями, направляется к черному «Вольво». Он идет с легкостью человека, который избавился от тяжелого бремени.

Альгамбра. Дворик львов.

— Нет. Думаю, что в самом деле нет, хотя я никогда не чувствую себя уверенно. Но с самого начала мной владело желание вновь обрести нормальную жизнь, свободу. Думаю, что это получится. Когда я, например, хочу пойти куда-нибудь поесть, то это не тема для газет. Публики совершенно не касается, вышел ли я прогуляться. И вот что еще важно: если бы я стал жить, постоянно прятаясь, так сказать, невидимкой, то для иранского правительства это стало бы известием, которое имело бы роковые последствия. Это означало бы, что угроза в чей-то адрес действует. Для меня важно показать: смертный приговор — «фетва» — не имеет никакой силы, я не позволю себя запугать.

— За последние семь лет вы стали очень знамениты. У нас поэтому несколько деликатный вопрос: не оказалась ли «фетва» самой лучшей бесплатной рекламой ваших книг, какую вы когда-либо могли получить?

— Несмотря на то, что «фетва» совершенно разрушила мою частную жизнь, слава такого рода скорее вредила моей славе как автора. Конечно, многие знают мое имя и покупают книги. Но читают ли они их? Многие наверняка купили их в знак солидарности или из любопытства, а не из интереса к литературе. Я был известным писателем уже до «Са-

танинских стихов». Этого мне вполне хватало. Но потом в меня запустили этот горшок дерьма. Понадобилось немало времени, чтобы отмыться. Именно этому прежде всего послужила моя новая книга.

— В «Последнем вздохе мавра» вы нарисовали очень живую картину Бомбея. Заменяет ли вам описание вашей родины поездку туда?

— Знаете, одно дело — жить в Англии и не ездить в Индию. Совсем другое — жить в Англии и не иметь права туда поехать. Изгнание изменило мое отношение к Индии.

— В каком смысле?

— Я испытываю сильную тоску. Моя книга, может, и в самом деле была для меня в каком-то смысле способом побывать там. Теперь, с некоторого расстояния, я вижу, что физическое отдаление от Индии придало моей работе особую эмоциональную ноту.

— Вы сказали, что получили классическое английское образование. Кто же вы теперь? Англичанин или индеец?

— И то и другое. Считаю подарком судьбы, что чувствую себя как дома в рамках не одной только культуры, а могу черпать из двух миров.

— Почему же вы тогда больше не пишете на родном языке — на урду?

— Потому что английским я тем временем стал владеть лучше. Кроме того, весь об-

разованный слой в Индии говорит по-английски. Книжки, которые пишутся на хинди или урду, как правило, много теряют при переводе на другие индийские диалекты. Ирония истории в том, что писатели, которые пользуются языком бывшей колониальной державы, более известны, чем пишущие на своем местном языке.

— Думали ли вы когда-нибудь стать не писателем, а кем-то еще?

— Нет, хотя в университете я много играл на любительской сцене. Меня и сегодня волнует, когда я стою перед публикой. Или перед объективом камеры. У меня дружеские отношения с некоторыми режиссерами, и время от времени я говорю им, что не прочь сыграть в каком-нибудь фильме.

— И что же? Были предложения?

— До сих пор, к сожалению, нет. Мне это, вообще-то говоря, непонятно. Вероятно, им не подходит мое лицо.

— Допустим, вам вдруг захотелось сходить в кино. Вы садитесь на велосипед и едете?

— Нет. Это было бы слишком сложно — полицейским пришлось бы следовать за мной тоже на велосипедах. А кроме того — глупо. Впрочем, я вообще плохой велосипедист. Предпочитаю хорошие автомобили, на которых в настоящее время, к сожалению, не могу ездить, потому что всегда сижу в этих скуч-

ных полицейских машинах. Я страстный автолюбитель, который годами не может сесть за руль.

— Вы мечтаете о гоночной машине?

— Скорее о совершенно обычной. Но один раз мне довелось проехать по настоящей гоночной трассе, где разыгрывается «Гран-при». Только не на такой машине, какие участвуют в «Формуле-1», а на более медленной. Это было здорово. Мне показали, как надо держаться средней полосы и правильно выходить на повороты. В отведенный момент инстинкт подсказывает: «Затормози». А вместо этого нужно давать газ, иначе можешь вылететь с трассы. Это особенно шокерет нервы.

— Что во время поездок произвело на вас самое сильное впечатление?

— Я видел много замечательных мест, но самое большое впечатление произвело на меня то, как много людей выступают против «фетвы». В Сиднее или Сантьяго ко мне не раз подходили совершенно незнакомые люди, трясали руку и говорили: «Как приятно увидеть вас! Только не сдавайтесь». Для них дело не во мне и не в моих книгах. Их солидарность в большей степени означает, что они не хотят жить в мире, где какой-то Хомейни может приказывать убить человека, потому что ему не нравятся его книги. Это придает силы. Если бы я не ездил по свету, то никогда бы не узнал об этом. Путешествия спасли мне жизнь.